

Прошлые воспоминания промелькнули в голове. Чэн Сяожань, глядя на строгость отца, скрывающую заботу и любовь, почувствовал волнение и подошел, чтобы поддержать его:

— Хорошо, я уже давно скучал по этому вкусу.

Чэн Нуаньнуань надула губы и подошла ближе:

— Папа, ты такой несправедливый, видишь только брата, а я тут стою, живой человек!

Отец Чэн не смог сдержать улыбку и с легким укором сказал:

— Разве я не говорил про вас? Кто тебя упустил? Старший брат, Сяоцзе, давайте все вместе заходите поесть.

Старший дядя Чэн замахал руками:

— Дома уже готово, вы сначала поговорите, я вечером зайду.

Чэн Сяоцзе тоже поспешил сказать, что сначала зайдет домой, а вечером придет.

Чэн Сяожань поддержал отца, и они вошли в дом. В доме Чэнов было четыре комнаты: одна для родителей, одна для Чэн Сяожаня, одна для Чэн Нуаньнуань, а оставшаяся часть была кухней и гостиной. Войдя, Чэн Сяожань сразу увидел большую глиняную печь. В деревне, где было неудобно передвигаться, все использовали либо глиняные печи, либо дровяные печи, никто не пользовался газом. Стол, за которым ели, явно был сколочен своими руками, на столе стояла масляная лампа. Хотя над головой висели провода, лампочка отсутствовала, только патрон одиноко свисал. Чэн Сяожань знал, что это из-за дороговизны электричества, и если лампочка перегорит, придется спускаться вниз, чтобы купить новую, поэтому дома лампочки использовались только на Новый год, а в обычные дни обходились масляными лампами и свечами.

Увидев все это, Чэн Сяожань еще больше укрепился в своем решении разбогатеть. Он любил деревенскую жизнь и спокойствие, но все это должно быть основано на достатке и удобствах.

— Значит, ты планируешь остаться в деревне?

После того как Чэн Сяожань рассказал о своих планах, в доме воцарилась тишина. Мать Чэн молча плакала, а отец несколько раз затянулся трубкой, прежде чем заговорить.

На лице Чэн Сяожаня по-прежнему играла легкая улыбка:

— Сейчас так и планирую, папа. Не переживай, даже если останусь в деревне, я смогу жить достойно. И что плохого в нашей деревне? Здесь есть горы и вода, это место с хорошей энергетикой.

Отец посмотрел на него, медленно поднялся, и Чэн Сяожань поспешил поддержать его. Отец сказал матери:

— Иди готовь ужин, мы с сыном поговорим.

В доме Чэнов отец был безусловным главой семьи, и мать, хотя и хотела еще расспросить о болезни Чэн Сяожаня, сразу встала:

— На плите томится курица, нужно только подогреть рис и сделать гарнир. Не уходите далеко.

Чэн Сяожань поддержал отца, и они медленно направились к подножию горы. Только тогда отец внезапно спросил:

— Скажи мне честно, головная боль — это просто отговорка? У тебя есть другая причина, по которой ты бросил учебу?

Чэн Сяожань был ошеломлен. Он знал, что отца не обманешь. И по своим ощущениям, и по воспоминаниям прежнего владельца тела, это был человек, который многое повидал. Его взгляд был острым, а слова и действия — размеренными, что выдавало в нем человека, прошедшего через многое.

Но то, что последовало дальше, поразило его еще больше. Отец понизил голос и спросил:

— Сяоэр, скажи мне честно, ты... беременен?

Хотя он и планировал рассказать отцу об этом, но прямота вопроса заставила его понять, что ситуация не так проста, как он думал. Чэн Сяожань медленно успокоился и кивнул:

— Папа, ты давно знал о моей особенности?

— Так и есть!

Взгляд отца упал на его живот, его руки задрожали, а глаза наполнились слезами. В них читались и страх, и радость:

— Этот день настал, настал... Я не ожидал, прошло столько лет...

Чэн Сяожань поспешил взять его за руку:

— Папа, не волнуйся так сильно.

Отец сжал его руку:

— Сначала скажи мне, чей это ребенок? Знает ли он об этом? Ты кому-нибудь еще говорил?

Чэн Сяожань помолчал:

— Я не знаю, кто он. Все произошло случайно. Когда я обнаружил это, я никому не сказал, боясь, что однокурсники узнают, и сразу вернулся домой.

Отец кивнул:

— Ты поступил правильно, ты поступил правильно. Если с этим неправильно разобраться, это может привести к беде.

Он посмотрел на лицо Чэн Сяожаня, стиснул зубы, словно приняв какое-то решение:

— Пойдем со мной.

Отец, опираясь на трость, быстро направился на юг. Чэн Сяожань поспешил поддержать его, он был полон вопросов, но не торопился их задавать. Дорога на юг вела в горную долину. Отец указал на гору вдалеке:

— Это гора Дачжоу, там живет твой дедушка Цзю. Ты его помнишь?

Дедушка Цзю, бывший глава деревни, ушел с поста после неудачной попытки разбогатеть на арбузах и с тех пор жил в уединении на горе Дачжоу, ведя очень скромный образ жизни. В воспоминаниях прежнего владельца тела жителя деревни Инхуа были недовольны дедушкой Цзю, потому что двадцать лет назад деревня могла бы процветать, но он выгнал лидера, который хотел развивать деревню, и в результате тот сломал правую руку. У того молодого лидера были влиятельные связи, и с тех пор деревня Инхуа попала в черный список его семьи. Окружающие деревни процветали, а Инхуа была подавлена. Дороги были построены везде, кроме Инхуа, где заявки на строительство постоянно отклонялись. Электричество и вода пришли в деревню позже всех, а субсидии всегда задерживались. Иногда сообщения от вышестоящих органов вообще не доходили.

Именно поэтому дедушка Цзю решил рискнуть и попытаться разбогатеть на арбузах, но потерпел неудачу. После этого он ушел с поста, но деревня потеряла последние средства, вложенные в арбузные поля, и окончательно пришла в упадок. Последующие главы деревни, даже если бы у них было три головы и шесть рук, ничего не могли сделать. Все винили дедушку Цзю и избегали его. Но сейчас, судя по словам отца, он часто навещал и поддерживал дедушку Цзю.

Они шли около получаса, прежде чем добрались до подножия горы Дачжоу. Чэн Сяожань заметил, что гора Дачжоу отличалась от других гор в деревне Инхуа. Здесь все было ухожено: не было зарослей сорняков, голые вишневые деревья были высажены ровными рядами, словно посаженные вручную, а ветви были тщательно подрезаны. Каменистая дорога извивалась вверх, заканчиваясь у деревянного домика. Перед домом были развешаны веревки для сушки белья, стоял маленький каменный жернов, деревянный стол и стулья, а также аккуратно сложенные и покрытые соломой дрова. На бамбуковых решетках сушились какие-то овощи. На склоне горы была небольшая грядка, на которой копошился худощавый старик.

— Дядя Цзю!

Отец крикнул громко, так как дедушка Цзю был немного глуховат. Старик медленно повернулся:

— Четвертый ^, ты~ как сюда попал?

У дедушки Цзю была особенность: он растягивал первый звук в каждом слове, добавляя к нему легкую дрожь, что создавало впечатление, будто он вот-вот задохнется. Его голос, сухой и хриплый, звучал особенно резко.

Он медленно поднялся, и по знаку отца Чэн Сяожань поспешил поддержать старика. Дедушка Цзю с теплотой посмотрел на Чэн Сяожаня:

— Ты~ сын Четвертого? У~же такой большой, вер~нулся? Вер~нулся, и хорошо, снару~жи не так уж хорошо.

Внезапно его взгляд изменился, он дрожащими руками схватил Чэн Сяожаня за руку, так крепко, что тому стало больно:

— Ты, ты, Четвертый, что происходит?

В волнении его речь стала более четкой. Отец кивнул:

— У ребенка в животе есть, я и привел его к тебе, чтобы ты посмотрел. Сяожань, дедушка Цзю не самый старший в деревне, но он знает больше всех. Если у тебя есть вопросы, можешь

спросить его. Давайте сядем и спокойно поговорим.

Чэн Сяожань смотрел на взволнованного дедушку Цзю. В его глазах явно читалось больше радости, чем удивления. То, что он беременен, в глазах старших казалось хорошей новостью, и это не вызывало у них недоумения. Почему же тогда прежний владелец тела бросился в реку? Он молчал, постепенно узнавая многое из их рассказа.

<http://bllate.org/book/16650/1525458>